

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

16–18 ИЮНЯ 2011

Деловой обед

**УЕХАТЬ, ЧТОБЫ ВЕРНУТЬСЯ: ПРОГРАММА ПОДГОТОВКИ МОЛОДЫХ
РОССИЙСКИХ ПРОФЕССИОНАЛОВ В ВЕДУЩИХ ВУЗАХ МИРА**

Создание творческого капитала в России

18 июня 2011 г. — 12:00–13:15, Ресторан, Зона деловых завтраков №2

Санкт-Петербург

2011

Президент Российской Федерации Д.А. Медведев объявил о внедрении новой формы поддержки обучения российских студентов и специалистов в ведущих университетах мира, по примеру программ, которые действуют во многих странах мира, в том числе в США, Китае, Бразилии, Сингапуре, Казахстане.

Модератор:

Сергей Гуриев, Ректор, Российская экономическая школа

Выступающие:

Игорь Бутман, Музыкант

Альберт Гильмутдинов, Министр образования и науки Республики Татарстан

Николай Мурашкин, Аспирант Кембриджского Университета

Саясат Нурбек, Президент, АО «Центр международных программ» Республики Казахстан

Илья Осколков-Ценципер, Президент, Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка»

Константин Северинов, Профессор, Университет Ратгерса (США);
заведующий лабораторией, Институт молекулярной генетики РАН;
заведующий лабораторией, Институт биологии гена РАН

Цао Сяонянь, Ведущий специалист в области образовательных программ, Всемирный банк

Андрей Фурсенко, Министр образования и науки Российской Федерации

Константин Шевченко, Партнер, Инфраструктура капитал

Станислав Шекшня, Профессор, INSEAD; Старший партнер, Ward Howell

Лейф Эдвинссон, Профессор интеллектуального капитала, Университет
Лунда

С. Гуриев:

Уважаемые коллеги, давайте начинать. У нас много выступающих. Давайте рассаживаться.

Уважаемые коллеги, этот рабочий обед посвящен программе обучения российских профессионалов за рубежом. Напомню: президент Медведев уже несколько раз говорил о том, что Россия будет посылать своих молодых профессионалов учиться за границей с тем, чтобы они потом возвращались и работали в органах государственной власти, в бизнесах, университетах и исследовательских институтах. Президент дал поручение разработать такую программу. Подобные программы существуют во многих странах мира, и сегодня у нас есть люди, которые участвуют в разработке таких программ, осуществляют руководство такими программами. У нас есть люди, которые учились за границей, у нас есть люди, которые сейчас учатся за границей. И у нас не так много времени, поэтому все выступающие будут говорить очень коротко. Тем не менее, я надеюсь, что нам удастся поговорить достаточно откровенно, потому что в этих программах очень важны детали. Очень важно сделать эту программу хорошо с тем, чтобы и отбор людей, которые уезжают учиться, был правильным, и финансирование было устроено так, чтобы оно создавало стимул выбирать лучшие университеты и возвращаться и чтобы реинтеграция людей, которые возвращаются, приводила к тому, чтобы эффект от этого обучения для страны был бы максимальным.

Самое интересное, что хотя у России пока нет такой программы, у некоторых регионов, — точнее, у одного в России, — такая программа есть. Это Татарстан, и у нас сегодня присутствует Министр образования Татарстана, который тоже сможет рассказать о том, как была создана и работает эта программа.

Но мы начнем с наших соседей. Я хотел бы дать слово Саясату Нурбеку, руководителю программы в Казахстане. Казахский опыт для нас во многом является образцом для подражания, и я как ректор могу сказать, что я видел студентов, которые учатся по программе «Болашак», и они учатся во всех лучших университетах мира. Многие из них возвращаются домой, и мы

видели, что именно эти люди сегодня уже руководят страной. Саясат, пожалуйста.

С. Нурбек:

Доброе утро, уважаемые дамы и господа. В первую очередь, позвольте выразить благодарность нашим коллегам из Министерства экономического развития и, конечно же, Министерству образования, за данное приглашение. Позвольте в двух словах рассказать об опыте программы «Болашак». Это уникальная программа, у нас накоплен успешный, очень позитивный опыт.

Программа была основана президентом нашей Республики Нурсултаном Назарбаевым в 1993 году. Идея пришла из Сингапура. В 1990 году премьер-министр Сингапура приезжал с визитом в Казахстан. Состоялся рабочий завтрак (это из воспоминаний президента), и вот они начали спрашивать: а как Вы готовите кадры на будущее — топ-менеджмент, госслужбу. В Сингапуре достаточно успешно действовала президентская стипендия, presidential scholarship, ее запустили еще в 1970-е годы. И в 1993 году было принято решение начать такую программу подготовки молодых талантливых казахстанских студентов за рубежом.

Первые 10 лет программы развивались в достаточно динамичном режиме. Первая группа наших студентов выехала в 1994 году. Это было 26 человек. Выехали они тогда в вузы трех стран — Канады, США и Великобритании. Там было около пяти вузов (University of Warwick, Гарвард, Стэнфорд, MIT и в Канаде, в Британской Колумбии еще один вуз). Программа начала развиваться. За эти 10 лет было подготовлено порядка 700 человек, география расширилась до 10 стран. Развивалась она достаточно успешно. В 2005 году экономика начала развиваться, и президент республики принял решение отправлять за рубеж три тысячи человек. Это было озвучено в ежегодном послании, и в 2005 году была создана наша компания, наш образовательный фонд, Центр международных программ. География резко расширилась, мы начали расширять свои партнерские связи, и на сегодняшний день в 32 странах мира, в 500 ведущих учебных заведениях и

научно-исследовательских институтах обучаются наши стипендиаты. Всего за этот период, с 1993 по 2010—2011 годы, было присуждено 7 тысяч 611 стипендий. Последние годы, где-то начиная с 2005 года, мы отправляем за рубеж три тысячи человек ежегодно.

Достаточно глубоко разработана эшелонированная система отбора претендентов. В первую очередь, у нас совместно со всем правительственным аппаратом, с национальными компаниями и госхолдингами, крупными работодателями разработана специальная система оценки кадровых потребностей по отраслям. Как это происходит? Ежегодно наш центр и Министерство образования совместно с Министерством труда и социального развития проводит assessment, оценку кадровых потребностей по отраслям. Каждый государственный орган, министерство должны предоставить нам информацию о кадровых потребностях по отрасли на краткосрочную, среднесрочную и долгосрочную перспективу. Соответственно, под каждую потребность разработана та или иная программа. Краткосрочные потребности мы удовлетворяем с помощью кратковременных стажировок, до года, это как научные профессиональные стажировки. Среднесрочную потребность, как правило, мы покрываем через магистерские программы, годовые или двухгодичные. А долгосрочную потребность покрываем через программы PhD и бакалавриата. То есть программа «Болашак» работает на всех уровнях образования: бакалавриат, магистратура, PhD. К тому же, у нас есть еще и одногодичные профессиональные научные стажировки. В этом отношении мы достаточно гибкие. Как только мы собираем информацию об этих потребностях с каждого министерства, определяется порядка 70—80 специальностей, по которым мы начинаем размещать наших стипендиатов за рубежом. Для этого мы очень тщательно подходим к выбору своих партнеров. Система отбора партнеров основана в первую очередь на анализе рейтингов, по данным Times Higher Education, Shanghai Jiao Tong University TOP-500 и других, а также на профильности, специфике вуза для той отрасли, которая наиболее интересна. Сельское хозяйство наши стипендиаты едут изучать в Австралию, в Новую Зеландию. География очень широкая, 32 страны. В

Канаду отправляем, к примеру, потому что по климатическим условиям канадские сельскохозяйственные методы нам очень подходят. Для экономики это, как правило, Великобритания, США. По инженерно-техническим специальностям, например, где у стипендиатов проблемы с языком, мы отправляем их учиться в Россию. Россия у нас на четвертом месте по популярности. Порядка 10% наших стипендиатов обучаются в Москве и в Санкт-Петербурге. К примеру, в Санкт-Петербурге у нас обучаются на сегодняшний день 26 человек, в ведущих петербургских вузах, в Политехническом институте. В Москве на сегодняшний день — 260 человек. Проходят все стипендиаты достаточно сложную трехступенчатую систему отбора. То есть после завершения вуза либо школы они сдают Единый национальный экзамен, наше национальное тестирование. По его результатам мы отбираем самых лучших, то есть результат должен быть набран не ниже определенной планки, — отличники, в первую очередь. Они сдают специализированный экзамен на знание иностранного языка. В этом отношении мы очень плотно работаем с независимыми партнерами (British Council, TOEFL и другими). Это первый этап. Вторым этапом они проходят специальное тестирование на знание казахского языка. Это наше особое условие, чтобы они знали казахский язык очень хорошо. Третий уровень — это разработанный специальным образом психометрический тест. Существует тест MBTI, Myers-Briggs Personality Test: на его основе разработано специальное психометрическое тестирование для выявления лидерских качеств — в первую очередь, для выявления психологической устойчивости, стрессоустойчивости, адаптации к быстро меняющимся условиям. Есть там некоторые скрытые вещи: например, склонность к суициду. Представьте себе: парень 16—17 лет, он закончил школу и выезжает за рубеж, попадает в совершенно чужую языковую среду, — как он будет себя вести? И эти вещи мы тоже как бы замеряем. И последним этапом идет индивидуальное собеседование со специально отобранной комиссией. У нас экспертная комиссия, где представители министерств, бизнеса, неправительственных организаций. Отдельно мы зовем экспертов в области HR, психологических консультантов. Таким образом, проводится

достаточно глубокая полная оценка этого кандидата, ему присуждается стипендия. Отличие стипендии «Болашак» таково, что это полная стипендия: мы оплачиваем все расходы полностью — проживание, питание, полное обучение, визовые расходы, перелет, дополнительно выделяется достаточно хорошая стипендия, где-то около двух тысяч долларов ежемесячно, страховка жизни, отдельно расходы на книги. Если, например, стипендиату нужен какой-то минибюджет на исследования, на какие-то стажировки, практики, куда он выезжает в период обучения, — это тоже покрывается за счет стипендии. Количественные результаты мы замеряем постоянно.

Как обеспечивается возвращение стипендиатов на родину? Ведь все-таки тема нашей сегодняшней дискуссии — «Уехать, чтобы вернуться». Потому что есть достаточно большой соблазн остаться за рубежом. В первую очередь, мы привязываем студента с помощью достаточно жесткого юридического механизма, на него возлагаются очень серьезные обязательства. В залог ставится недвижимое имущество его родственников либо родителей. Более того, родители стипендиата оставляют юридическое обязательство (либо, если отсутствуют родители, то опекуны, либо какие-то ближайшие родственники). В случае невозврата стипендиата из-за рубежа это имущество будет в судебном порядке отобрано, либо будут предъявляться претензии к опекунам, либо родителям этого стипендиата. Мера достаточно жесткая, она тоже вызывает определенную критику в обществе, но по анализу этих 18 лет существования стипендии, это достаточно эффективный, действенный инструмент обеспечения возвращения из-за рубежа. И дополнительные обязательства, которые мы возлагаем на нашего стипендиата: в течение пяти лет он должен отработать на территории Республики Казахстан, то есть в компании либо в государственном, либо в частном секторе. Около 45% выпускников работает в частном секторе, но пять лет он должен отработать. Сейчас эту меру мы немножко расширяем. Например, сейчас казахстанские компании очень активно идут за рубеж. С учетом того, что это казахстанская компания, которая открывает филиал за рубежом, мы разрешаем эту пятилетнюю

отработку проходить там, либо если наш выпускник трудоустраивается в международную организацию, членом которой является Казахстан и где интересы Казахстана нужны, мы тоже даем специальное направление туда. Еще дополнительная мера — follow-up, то есть дальнейшее сопровождение наших стипендиатов. Это важнейшая мера, на которой мы сейчас концентрируемся. Создана большая ассоциация выпускников, и есть специальная система отчетности. В течение этих пять лет он должен отчитываться центру: мы мониторим его трудоустройство, карьерный рост, выезды, где он устраивается, социальные связи и так далее.

Недавно мы запустили программу из нововведений, грантовую программу. Если стипендиат привез из-за рубежа какие-то идеи и хочет дальше провести какие-то исследования, опубликовать книгу, статьи, сделать какой-то joint research, — пожалуйста, у нас есть специальный маленький фонд для грантовой поддержки наших выпускников.

Оценивая результаты программы, можно сказать следующее. Количественные показатели — это 129 высших чиновников действующего сейчас кабинета министров, это вице-министры. Пока министров у нас среди выпускников не было, но есть несколько вице-министров, директоров департаментов, профильных комитетов, огромное количество руководителей национальных компаний — это выпускники нашей программы. В частном бизнесе нашими выпускниками запущено буквально порядка 50–60 очень успешных стартап-проектов. Еще один количественный показатель: у нас только 1,7% невозвращенцев. Из более 7,5 тысяч выпускников это очень небольшой процент тех, кто не возвращается в страну.

Наши выпускники все работают для экономики. Из этих 7 тысяч 500 человек 215 дополнительно получили степень PhD, то есть продолжили свое обучение по профилю, по каким-то исследованиям, то есть тоже такой количественный критерий. Ну, и конечно, если брать не количественные, а качественные критерии, это конечно социальный капитал, который они набирают за рубежом. Это очень важно для нас, потому что учатся они в элитных заведениях, и те люди, с которыми они учились, — это социальный

капитал. Это новая этика, это новые управленческие навыки, это новое видение и идеи, которые эти выпускники привносят в страну, привозят в страну. Это тоже очень четко и мониторится, и отмечается. Вот вкратце такая информация про нашу стипендию, нашу программу. Я буду очень рад ответить на любые дополнительные вопросы. На журнальной стойке есть дополнительная информация про нашу программу, брошюрка и моя визитная карточка. В любой момент вы можете связаться со мной. Спасибо за внимание.

С. Гуриев:

Спасибо большое, Саясат. Я бы хотел передать слово доктору Сяонань Цао, ведущему специалисту Всемирного банка, который расскажет об опыте аналогичных программ в Китае. Пожалуйста.

Ц. Сяонянь:

Спасибо всем присутствующим, я только присоединяюсь к дискуссии. Прошу прощения за опоздание. Я пытаюсь перевести дух и собраться с мыслями, чтобы поделиться с вами некоторым опытом Китая в этой области.

Прежде всего, я хотел бы поблагодарить председателя, профессора Гуриева, за приглашение. А также я хотел бы поблагодарить организаторов этого мероприятия.

Я понимаю, у меня только 5—7 минут, и я собираюсь очень быстро поделиться с вами несколькими мыслями. Я постараюсь осветить основные моменты нынешней ситуации в Китае по отправке студентов на учебу за границу и их возвращению на работу в страну.

Прежде чем это сделать, я хотел бы отметить, что точка зрения, которой я поделюсь, не является позицией правительства Китая. Кроме того, она не представляет позицию Всемирного банка. Это мои личные соображения по этому поводу.

Я, вероятно, пропустил начало беседы. Но я уверен, что вы слышали из новостей, что у Китая очень хороший прогресс в этой области, что правда. И позвольте мне очень наскоро обрисовать вам то, что у нас происходит.

Китай открыл свои двери и начал реформу в 1978 году, более трех десятилетий назад, что кажется очень давно. На сегодняшний момент около 1,9 миллионов китайских студентов и аспирантов обучились за границей. Около 620 тысяч из них вернулись. Таким образом, примерно около трети из них вернулись домой.

Но такая замечательная ситуация сложилась только за последние 10 лет. Этот процент не распределяется равномерно среди последних трех десятилетий. В частности, я приведу один простой пример. В 2009 году около 229 тысяч китайских студентов и аспирантов учились за границей. Около 180 тысяч из них вернулись на родину после окончания учебы. Это достаточно высокий процент людей, которые вернулись.

Я должен уточнить — не все китайские студенты и аспиранты, которые учились за границей, были профинансированы за счет правительства. На самом деле, правительство спонсирует только очень небольшой процент студентов, предоставляя стипендии. Мы говорим о цифре, возможно, даже меньшей, чем 10%. Я приведу вам пример: в 2009 году, как я только что упомянул, около 229 тысяч студентов и аспирантов учились за границей. И только 13 тысяч из них поехали при поддержке Правительства, остальные сами оплачивали свое обучение. Это может означать, что они заплатили из собственного кармана или их спонсировала организация.

Процент возврата за эти годы увеличился, особенно за последние 10 лет. В 1999 году около 92% стипендиатов вернулись, а к 2008 году около 98% вернулись в родную страну. Соотношение достаточно высокое для студентов, получивших от правительства направление на учебу за границу. Вернувшиеся стипендиаты определенно оказали огромное влияние на социально-экономическое развитие Китая. Очень быстро я приведу вам пару примеров.

78% ректоров ведущих университетов Китая, занимающих эти должности в настоящий момент, в свое время получили правительственную стипендию

на образование и вернулись. В их университетах 63% преподавателей, которые ведут аспирантов, также в прошлом стипендиаты. Около 72% сотрудников национальных и региональных лабораторий и исследовательских центров получили образование и вернулись. Примерно 10% правительственных чиновников министерского уровня являются вернувшимися стипендиатами.

В дополнение к этому, нашими зарубежными выпускниками было начато около 10 тысяч стартап-проектов, и сотни из них сейчас котируются на международных биржевых рынках.

Они вернулись в Китай и действительно помогают китайским компаниям выйти на международную арену и создать большие бренды, такие как Haier в области электроники, Huawei в сфере телекоммуникаций и TCL в производстве телевизоров.

Наблюдая за этой ситуацией столько лет, можно отметить некоторые тенденции. С одной стороны, безусловно, система превратилась из замкнутой в более открытую и конкурентоспособную. Это больше не элитная группа с заграничными дипломами, а значительный поток молодых людей, выезжающих на обучение. Если раньше правительство выступало спонсором большинства студентов и аспирантов, которые учились за рубежом, теперь большинство их — на самофинансировании.

От преобладания студенческих программ по обмену мы перешли к преобладанию обучения для получения более высоких степеней. Таким образом, имеют место определенные закономерности. Я могу продолжать все дальше и дальше.

Также просматриваются тенденции в реинтеграции. Если раньше выпускники возвращались по приказу правительства партии, теперь они возвращаются по личной инициативе. Если раньше стипендиаты возвращались на свой академический путь, такой как исследования или преподавание в университете, теперь они чаще выбирают гораздо более широкий спектр областей, включая работу в компаниях или в правительстве. Они, конечно, по-прежнему, возвращаются в университеты и исследовательские центры.

В прошлом, по возвращении, они оказывались в изоляции среди коллег, а сейчас есть целое сообщество, в котором они могут найти поддержку. Таковы общие тенденции. С точки зрения мотивации, почему эти люди возвращаются в Китай?

Недавние исследования в США и в Канаде показали, что, в основном, все сводится к трем факторам. Наиболее важным является возможность сделать карьеру. Вторым фактором служат культурные связи с семьей, и третьим являются возможности для бизнеса.

Таковы основные причины для возвращения людей в Китай. Глядя на последние три десятилетия, можно согласиться, что это произошло поэтапно: Китай не вчера начал осмысленный подход. На самом деле, оглядываясь назад, можно выделить пять или шесть этапов. В течение первых 20 лет, с 1978 до примерно 1998 года, относительно небольшое число людей поехало учиться за границу, многие из них вернулись и заняли высокие должности.

В следующие 10 лет Китай развивался бешеными темпами, а затем перешел в стадию зрелого роста, который происходит и сейчас. Кажется, я исчерпал предоставленное мне время.

Позвольте быстро поделиться с вами предпосылками успеха Китая: по моему личному мнению, это сочетание осмысленного выбора правительства в разработке политики, значительных улучшений внутриэкономических условий и рыночных тенденций.

Правительство, которое отвечает за политику, понимает, что большинство китайцев хотят учиться за рубежом. Они называют это политикой 12 символов. Это означает, что правительство на всех уровнях начинает поддержку людей для обучения за рубежом и возвращения обратно. Наконец, немаловажно, что они могут свободно въезжать и выезжать из страны, когда пожелают.

Таким образом, эта политика преимущественно регулирует все остальные правила, существующие в этой области. Китайское правительство создало политику поощрения самофинансирования студентов. Они создали правила, которые действуют, по словам предыдущего оратора, как

связующий механизм. Если вы не вернетесь, это будет отражено и обработано в различных сервисных центрах.

Правительство создало два крупных центра. Один из них называется Китайским центром стипендий, который в основном помогает людям выезжать за границу. Другой центр создан для оказания услуг, чтобы привлечь людей вернуться. Таким образом, они предоставляют множество услуг и облегчают процесс возвращения домой.

В прошлом правительство создавало много специальных проектов, о некоторых из них вы могли слышать: проект 211, проект 985. Все эти крупные проекты были инициированы, чтобы помочь стране в создании и развитии университетов мирового уровня.

Так, отправка студентов и аспирантов за границу и привлечение их домой являются важными компонентами достижения этой важной цели. Не стоит упускать эту цель из виду, и все это надо рассматривать в контексте недавнего прошлого. Правительство выработало особый план, что очень редко встречается в других странах.

Китайское правительство в прошлом году провело ряд законопроектов для поддержки и привлечения талантов на ближайшие 10 лет не только из Китая, но также и из-за рубежа.

И, наконец, вы, наверное, слышали, что недавно, в этом году, бывший декан Лондонской школы бизнеса и бывший декан Гарвардской школы бизнеса, Джон Квелч, уволился и переехал в Китайско-Европейскую школу международного бизнеса в Шанхае, чтобы возглавить там факультет. Так что подобные изменения происходят. Не только китайцы выезжают за рубеж и возвращаются.

На сегодняшний день четверть всех студентов в мире, обучающихся за границей, учатся в Китае, и четверть всех иностранных экспертов в мире работают в Китае. США одобрили политику, предложенную президентом Обамой, ежегодно отправлять 100 тысяч студентов на учебу в Китай. Китайское правительство заявило, что оно в ответ предоставит 10 тысяч стипендий для поддержки этого обмена.

Так что происходит большое количество перемен, и я хотел представить это в более широком контексте, с точки зрения национального развития и на мировом уровне.

Я буду рад ответить на вопросы, пока я здесь. Я заранее прошу прощения, у меня буквально несколько минут, чтобы на них ответить.

С. Гуриев:

Большое спасибо, доктор Цао. Я хотел бы предоставить слово Альберту Харисовичу Гильмутдинову, Министру образования Республики Татарстан. Как я уже сказал, хотя в России нет федеральной программы, но в России есть регион, в котором есть своя программа.

А. Гильмутдинов:

Добрый день, уважаемые коллеги, уважаемый Андрей Александрович. У нас уже в течение пяти лет действует республиканская грантовая программа, которая называется «Алгарыш»: в переводе с татарского это означает «прогресс». По этой программе мы полностью за счет бюджета нашей республики посылаем нашу талантливую молодежь учиться в самые разные страны мира и в лучшие научно-образовательные центры Российской Федерации. За эти годы через программу прошло более двух тысяч человек, и половина из них училась, стажировалась за границей. И сейчас в республике Татарстан (а вы знаете, что Татарстан сравнительно небольшой субъект РФ, с точки зрения населения, у нас в республике живет всего 3,8 миллионов человек) более тысячи людей, которые получили лучшее европейское, североамериканское или азиатское образование. Кого мы посылаем, какие направления подготовки?

Первое: эта программа развивалась со временем, и вот сейчас, к настоящему времени, ее структура следующая. Мы посылаем молодежь учиться только по магистерским программам. В отличие от «Болашак», мы отказались от бакалаврских программ по той простой причине, что эти четырехлетние программы достаточно дорогие, и очень часто бывает так, что в этом возрасте молодые люди еще не точно знают, чего они хотят в

жизни. Поэтому чтобы выбор был более осмысленный, мы решили остановиться только на магистерских программах, до двух лет мы полностью все финансируем. Кроме этого, мы посылаем аспирантов, молодых ученых на трехмесячные стажировки, тоже в разные страны мира. Есть в татарстанской программе республиканская особенность: мы выделили специальное направление для учителей школ. Вот сейчас первый год у нас реализуется очень интересная программа, она называется «Наш новый учитель», когда мы приглашаем на работу в школы действительно лучших выпускников, в том числе не только из педагогических вузов, — аспирантов, молодых кандидатов наук. В этом году будет разыгрываться 200 грантов. Каждый из победителей автоматически получает в пакете предложения возможности стажироваться в каком-нибудь образовательном учреждении мира — будь то Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Германия, какая-то другая европейская страна или Сингапур. У нас очень хорошие отношения складываются с Сингапуром. Итак, у нас есть своя особенность: мы особый упор делаем на учителей. Есть и еще одна подпрограмма: это подготовка учителей английского языка. Мы приглашаем из США или из Великобритании команду специалистов, которые специализируются на преподавании английского как иностранного, и в течение 2—3 недель они интенсивно переподготавливают наших учителей английского языка. Поэтому особенностью последних лет программы является особый упор на учительскую профессию, потому что мы очень серьезно взялись за реформу школьного образования. Если посмотреть по ценам, образование достаточно дорогое. Один грантовик нам обходится где-то от полумиллиона рублей до примерно 1,5 миллионов рублей в год. Это удовольствие достаточно дорогое. Стоимость варьирует в зависимости от того, какая образовательная программа выбрана, какая страна обучения и так далее. Мы покрываем так же, как программа «Болашак», практически все расходы. Это прежде всего плата за обучение, это проезд, это стипендия, это проживание, визовые расходы и так далее, то есть предоставляется полный финансовый пакет, который полностью покрывает все финансовые затраты молодых людей.

Какие обязательства у молодежи? Обязательство очень простое: они подписывают контракт. У нас нет таких жестких обеспечительных условий, как в Казахстане, мы залог не берем — просто молодые люди подписывают контракт, согласно которому они обязуются после обучения по этой программе отработать не менее трех лет в любом предприятии Республики Татарстан. Любом. Это может быть частный бизнес, это может быть государственное учреждение, после этого ты как бы освобожден от этих обязанностей, то есть условия достаточно либеральные.

Касательно направления подготовки: в основном, мы стараемся посылать на обучение по естественнонаучным и инженерным специальностям. Это примерно 52%. Каждый третий грантовик обучается или стажировается по экономическим специальностям. Около 13% — это будущие учителя или действующие учителя и где-то 12% — это другие социо-гуманитарные науки, примерно такой расклад.

Какие риски существуют в реализации этой программы? На основе нашего опыта выявилось два риска. Риск первый. Все-таки, когда молодежь уезжает, допустим, на два года в какую-то совершенно другую среду — конечно, есть риск, что они не захотят вернуться на родину. Точную цифру процента невозврата мы вам сказать не можем, но он крайне низкий. Более 95% точно возвращаются и работают в республике в настоящее время. И второй риск даже более серьезный и более глубинный. Все-таки, как Андрей Александрович говорил на предыдущей сессии, молодежь, конечно, должна быть востребована на той территории, в той стране, в том субъекте, куда они возвращаются, — в данном случае, в Татарстане. Потому что очень часто им бывает непросто найти работу, которая соответствует и уровню их подготовки, и уровню их таланта. Вот такая проблема есть на сегодняшний день. Но поскольку наша программа сравнительно молодая и еще не очень большая, через нее пока прошло две тысячи человек, то на этом я позволю себе закончить. Спасибо.

С. Гуриев:

Теперь, когда мы услышали об успешных опытах реализации такого рода программ, я хотел бы передать слово нашим российским коллегам. Хотел бы задать вопрос Илье Осколкову, президенту недавно созданного Института медиа, дизайна и архитектуры «Стрелка», и вице-президенту компании «Йота». Многие, я думаю, пользуются «Йотой». Илья, насколько, нужна программа, и стоит ли ее делать?

И. Осколков:

Здравствуйте. Спасибо. Институт наш возник год назад, и недели через две — по-моему, 28 июня, — мы будем представлять наших первых выпускников. Поэтому у нас возник свежий опыт. Например, поскольку у нас не было возможности взять студентов в заложники, мы боялись, что они сейчас все уедут за границу. Но, поразительным образом, не только те наши выпускники, которые являются гражданами России, но и приехавшие к нам учиться иностранцы — все они мечтают остаться здесь работать, за исключением одного нашего студента из Китая, у которого, понятное дело, есть более интересные дела. Давайте, я расскажу в двух словах, что мы делаем и что мы поняли за этот год.

Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка» возник год назад. Идея возникла два года назад, мы собрали на это частные деньги. Формальным образом институт является просто кружком, то есть мы не даем никакого государственного диплома, государство нам никак не помогает, муниципалитет нам никак не помогает, и поэтому все ошибки, которые мы делаем, — наши собственные, но зато и все достижения тоже наши. Мы взяли 35 студентов из России и из-за границы для годичного курса — для того, чтобы учить их архитектуре, урбанистике и дизайну, понимаемому в широком смысле. Для того чтобы у нас учиться, надо иметь диплом о высшем образовании, знать английский язык, потому что обучение происходит на английском языке, и надо показать портфолио, надо пройти собеседование. Конкурс был у нас в первый год, по-моему, 14 человек на место. В этом году, хотя подача документов еще продолжается, у нас получается где-то порядка 40 человек на место. И это неудивительно,

потому что благодаря Александру Мамуту и Сергею Адоньеву, двум спонсорам института, обучение у нас бесплатное, и мы, кроме того, снимаем квартиры в Москве для людей, которые приехали из других городов, и даем какое-то небольшое, но вполне человеческое количество денег, чтобы на протяжении этого года они могли не думать ни о чем, кроме учебы.

А дальше самое главное — это то, что мы привлекли к образованию на «Стрелке» очень серьезные интеллектуальные силы из России и из-за границы. Саму нашу программу разрабатывал Рэм Кулхас, который, наверное, самый влиятельный архитектор в мире, и он на сегодняшний день один из тех людей, которые учат на «Стрелке». Хотя нами двигало желание как-то изменить пейзаж, который мы видим за окном, но мы поняли, что для этого необходимо, чтобы студенты у нас были не только из России, но и из-за границы — для того, чтобы столкновение с другими культурами, с другими способами мышления и так далее позволило нашим студентам что-то понять и о себе.

Выяснилось следующее. Мы только что закончили собеседование с нашими студентами после этого года, задавая им одни и те же вопросы: что вы собираетесь делать через две недели, когда заканчивается наше с вами общение, как мы вам можем помочь, с кем вас познакомить, куда вас трудоустроить и так далее, и так далее. Выяснилась вот такая вещь: масштабы стоящих перед Россией проблем и возможностей работать над проектами, которые здесь есть, таковы, что подавляющее большинство наших выпускников не то что согласны, а просто преисполнены желания оставаться здесь и работать здесь. Более того, ситуация с нашими студентами из Польши, из Литвы, из Турции, из Индии и откуда-то еще, кого-то я забыл, совершенно такая же. Они не хотят ехать обратно к себе в Польшу и заниматься строительством небольших домиков или работой на каких-то второстепенных должностях в крупных компаниях на протяжении ближайших 20 лет, потому что у нас тут, чего греха таить, пустая поляна, проблемы огромные, и возможности, вроде, тоже огромные. Они хотят оставаться здесь и работать здесь. Какое-то количество из этих людей мы

возьмем на работу к себе, потому что «Стрелка» начинает заниматься урбанистическим и дизайнерским консалтингом. Возможно, вы слышали, что мы стали главным советником по разворачивающемуся сейчас в Москве проекту по развитию Парка Горького, а также Нескучного сада и Воробьевых гор. Нам там сейчас нужны ресерчеры: вот в том числе наших студентов мы туда можем взять. Но, на мой взгляд, главная проблема, которая касается результатов этого образовательного эксперимента, заключается не в том, как их приковать к России или к Москве, или к какой-то другой физической точке; не в том, как их принудить к тому, чтобы работать, — а в том, чтобы дать им возможность применить свои новые знания. То есть это именно то, о чем говорил коллега из Татарстана: дать им возможность работать над проектами, для которых они, собственно говоря, нами и подготовлены. Так что это пример, на мой взгляд, того, в чем, на самом деле, состоит проблема. Спасибо.

С. Гуриев:

Спасибо большое, Илья. Действительно, оказывается, что люди, получающие международное образование, заинтересованы в том, чтобы оставаться в России, не уезжать, и это работает не только в области экономики, но и в области медиа, архитектуры и дизайна. Я хотел бы дать слово музыканту Игорю Бутману, который может рассказать о том, как обстоят дела в области музыки и искусств.

И. Бутман:

Добрый день. Очень приятно, что и музыке, и культуре, которой я занимаюсь, тоже придается огромное значение, и очень приятно сегодня здесь выступить.

Дела той музыки, которую я представляю, в области обучения, образования очень плохи. Но это не значит, что ничего не надо делать. Как раз наоборот: надо, действительно, в срочном порядке создавать новые школы, но для того, чтобы создавать новые школы, необходимо отправлять людей учиться за рубеж — в Штаты, в Англию, во Францию. В Финляндии есть огромные

джазовые школы. Но если взять Гнесинский институт, то там джазу обучаются 85 студентов. В школе Беркли, где я учился три года, обучается на сегодняшний момент пять тысяч студентов. В связи с этим получается, что при таком количестве талантов, которое есть в нашей стране, при том, что у нас есть заслуги в области классической музыки, балета и изобразительного искусства, — в области джаза, эстрады и рока у нас все ориентировано только в интересах нашего рынка, и все. В мире нас практически никто не знает.

Поэтому мой опыт обучения в Berkley School of Music в Бостоне показал, что обучение должно происходить на каком-то другом уровне. Обучение направлено на то, чтобы ты становился если не мастером, то просто самим собой, индивидуумом и творческим человеком. На то, чтобы раскрыть твою творческую индивидуальность. Не то что тебя обучают, чтобы ты стал саксофонистом, как Джон Колтрейн или какой-то другой известный саксофонист, а чтобы ты стал Игорем Бутманом или Джоном Албертом, или кем-то другим. По сравнению с тем, как меня учили в Советском Союзе, это, конечно, огромная разница.

Сейчас происходит следующее. Действительно, молодые люди уезжают учиться и в Америку и в другие страны, и необходимо сделать так, чтобы они вернулись. Во-первых, вернулись потому, что есть колоссальная аудитория, которая их ждет и готова с любовью воспринимать их искусство здесь, я не говорю уже обо всем мире. Но надо как-то суметь донести до них, что у них есть перспективы в нашей стране. И для этого, я думаю, Министерство образования должно что-то сделать. Я встречался и с Андреем Александровичем, и со многими преподавателями, которые готовы идти на сотрудничество с людьми, получившими образование за рубежом.

Мы знаем пример человека, который построил Петербург. Петр I уехал, научился, вернулся и построил потрясающий город, я уже не говорю о стране. Соответственно, у всех есть шанс. Я считаю, что это очень важная задача, при том, что у нас есть в каких-то областях великолепное образование здесь, есть интересные, хорошие, талантливые преподаватели, но обязательно надо ехать учиться за рубеж, набираться

опыта для того, чтобы жить в мире, который стал, благодаря Интернету и благодаря коммуникациям, очень маленьким. Россия уже участвует во всех глобальных процессах, поэтому необходимо ехать учиться, перенимать опыт и создавать условия, чтобы те артисты, музыканты, которые уехали, понимали, что здесь они нужны, здесь они важнее и что они смогут здесь, в России, создавать свои гениальные произведения для всего мира. Спасибо большое.

С. Гуриев:

Спасибо большое, Игорь. Есть другой пример известного петербуржца, Владимира Путина, который тоже уехал, наверное, многому научился в Германии, и приехал обратно. Я бы хотел предоставить слово Лейфу Эдвинссону, профессору интеллектуального капитала университета Лунда.

Л. Эдвинссон:

Спасибо, и я бы хотел всем пожелать счастливого будущего. Желаю вам приятно провести субботний день, а я вас скоро покину.

Я очень благодарен за возможность здесь присутствовать. У меня есть четыре или пять основных пунктов, и я быстро по ним пройду. Я подготовил один слайд со статистикой на эту тему, но вначале я хотел бы сказать, что также являюсь председателем организации под названием The New Club of Paris, «Новый Парижский клуб».

«Новый Парижский клуб» работает с базами данных по знаниям в разных странах. Мы работаем по этим направлениям в Африке, Европе и Азии. Я бывший студент университета Беркли и занимаюсь изучением стресса в психологической и медицинской науках совместно с шведским Каролинским институтом, Karolinska Institute. Поэтому я знаю, что музыка очень полезна. Музыка непосредственно влияет на уровень кортизола, а кортизол придает вам больше энергии. Так что слушайте больше музыки, это очень полезно.

Я также работаю в Китае и Гонконге, так что мне были интересны предыдущие выступления. Недавно на Тайване я создал базу данных, иллюстрирующую интеллектуальный капитал в 40 странах за последние 15

лет. Вы можете найти ее на www.nic40.org: она показывает, в частности, ситуацию в России.

Представьте себе, что вы матрос, вы начинаете с нижнего правого угла и приплываете в нижний левый угол. Все готовы двигаться дальше? Вот картина ценности обновления человеческого капитала России за последние 15 лет. Если вы объедините это с потенциалом коммерческих знаний, то в целом ситуация улучшилась, но эта линия не всегда совершенно прямая.

С такой статистикой из нашей базы данных на Тайване мы можем начинать диалог с разными странами по вопросам социального запаса знаний. Чрезвычайно интересно задавать вопросы, почему ситуация так сложилась. Как можно изменить социальный запас знаний? Одним из решений является развитие междисциплинарных знаний, чем мы именно сейчас и занимаемся — это мой второй пункт. Мы организовали тренировочную базу совместно с Университетом инноваций Аалто в Финляндии. Эта база занимается вопросами социальных инноваций — не инновационных разработок, не инноваций в сфере услуг, а социальных инноваций, ориентированных на политиков.

Где еще можно получить обучение министру образования? Где еще есть тренировочный лагерь для министров? У нас не было таких баз для политиков, и Финляндия инициировала создание лагеря в прошлом году. Второй заезд будет проводиться в августе, и я вас всех приглашаю зайти на сайт www.acsi.aalto.fi, и мы также можем обсудить, как вы можете в нем поучаствовать, если вам есть, что сказать.

Третий пункт состоит в том, что вопрос для сегодняшней дискуссии, на самом деле, поставлен некорректно. Вы должны сосредоточиться на приумножении человеческого капитала и таланта — это ваш серебряный запас. Так что вопрос: «Каков потенциал человеческого капитала в России?» — не только о молодых людях в университетах, это также относится к людям с седыми усами, как я. Таким образом, цвет усов не должен определять ваш потенциал. В доказательство этого хочу упомянуть, что несколько лет назад я получил награду «Ум года».

Но платформа для приумножения человеческого таланта — это ИКТ (информационно-коммуникационные технологии), и этому была посвящена сегодняшняя утренняя сессия. Обсуждение было очень интересным, но более важным инструментом, чем обучение, является приумножение.

Обучение может в действительности привести к ситуации, как та, которую вы сегодня наблюдаете в Греции. Мы все имеем расчеты, указывающие на необходимость вложений в область подготовки знаний, но на выходе влияние на систему в целом мы замеряем очень мало, и именно поэтому мы начали свои разработки.

Последний пункт моего выступления связан с вопросом о том, почему чрезвычайно важна архитектура. Мы знаем, что архитектура на деле создает или уничтожает эндорфины, необходимые для таланта. Итак, нам необходимо создавать города знаний. Мы должны проектировать города для приумножения таланта, так же как нужно создавать дизайн офисов и территории университетов.

В отношении архитектуры, можно даже замерить процесс выделения эндорфинов у студентов, который будет стимулировать кортизол. Таким образом, мы говорим не только об экономике. Речь идет о науке, затрагивающей нейроны головного мозга. Речь идет о том, что ваши умственные способности являются важным залогом успеха в будущем, и именно поэтому я всегда и всем желаю «счастливого будущего».

Спасибо большое.

С. Гуриев:

Я хотел бы предоставить слово Андрею Александровичу Фурсенко, Министру образования и науки Российской Федерации.

А. Фурсенко:

Спасибо, Сергей. Я извинился перед Сергеем, я очень хотел выступить в самом конце, но поскольку там есть некое дополнительное мероприятие, попросил все-таки дать мне слово сейчас.

Я хочу очень коротко рассказать свою точку зрения. На самом деле, это очень интересные программы — важные, нужные. Но я хотел бы, прежде всего, изложить свою позицию, помимо конкретных вещей, которые я перечислю. Может быть, самое простое — это все-таки создать такую программу. Можно найти на нее деньги, и мы их находим сейчас. Уже существуют программы, организуемые университетами, — не частными, а государственными. По разным оценкам, где-то 1,5–2 тысячи человек ежегодно участвуют в таких программах.

Но проблема заключается в дальнейшем. Есть проблема ответственности, которую тоже поднял наш коллега из Казахстана. Это залог имущества — не только своего, но и залог имущества родственников, друзей, — и это, конечно, повышает ответственность человека, ему трудно после этого не вернуться. Но и это вопрос вторичный. Первый вопрос — для чего мы это делаем, для чего мы готовим этих людей. И тут я абсолютно согласен с тем, что сказал Альберт Харисович. Если есть привлекательное рабочее место, не надо ничего закладывать, не надо никаких специальных мер по возвращению: люди вернуться сами.

Поэтому главный элемент программы, которую мы сейчас готовим, это следующий шаг: это определенные обязательства и желание работодателей связываться с этой программой, привлечь людей к себе на работу, предоставить им интересные, хорошие рабочие места. Этих хороших рабочих мест сегодня в России, по крайней мере, в технической области, не настолько много, чтобы люди были заинтересованы, чтобы люди понимали, что это места для них. У них нет уверенности, что если они сделают то, что от них ожидается, успешно закончат обучение, то они эти места получат.

Я бы хотел сказать еще об одной вещи, не напрямую, может быть, но косвенно связанной с этой программой. Во-первых, сама по себе программа, на мой взгляд, — еще раз повторяю, это моя личная точка зрения, — не сыграет желаемой важной роли, если она не будет очень тесно переплетена с гораздо более комплексным подходом. Это и приглашение сюда ведущих профессоров из других стран, которые могли бы преподавать, может быть, в тех университетах, из которых ребята едут,

скажем, в магистратуру, бакалавриат. Это возможность реальных обменов постдоками между университетами. То есть, нужна работа, нужно движение в двух направлениях. Потому что есть — не могу сказать, что очень много — но в России есть места, есть школы, которые привлекательны не только для российских студентов, но и для зарубежных, и это подтверждается тем, что сказали два наших первых докладчика. И из Татарстана, и из Казахстана посылают ребят не только за рубеж, но и в ведущие российские вузы. Проблема заключается в том, что эта работа будет целесообразна, если она реально повлияет на перестройку нашей высшей школы. Если мы вырвем 10, 100, 1000, даже 10 тысяч человек, ничего не меняя внутри высшей школы России — поверьте мне, эта идея либо заглохнет, либо это создаст еще больший разрыв между каким-то количеством хорошо подготовленных людей, которые, не найдя себя, либо будут работать, в первую очередь, на иностранные фирмы, которые работают в России, либо на какие-то отдельные транснациональные компании, либо уедут за рубеж. Очень важно, чтобы подготовленные люди приезжали сюда учить. Не просто работать, но и учить. Даже на временной основе. Если эти ребята со своим опытом, со своим пониманием того, как должно быть поставлено обучение (об этом говорил Игорь Бутман), чему надо учить, перестанут говорить, что у нас лучшее в мире музыкальное, математическое, филологическое образование, а будут говорить: да, у нас есть очень интересные моменты, но есть вещи, которых нам не хватает и которые мы должны принципиально поменять. Это даст синергетический эффект — не только для образования, но и для экономики и обустройства России. Если этого не будет происходить, если этим людям не будут предложены интересные места в наших вузах, в нашей Академии наук, то, я повторяю, эффект от такой программы будет минимален. Значит — это наша задача, это задача нашего Министерства. Я ни в коем случае не пытаюсь перекинуть этот горячий шарик кому-нибудь другому в руки. Но это задача не только наша: это задача общества в целом, потому что если эти изменения, это движение будут происходить силовым образом или даже полусиловым, с позиции чиновника, с позиции министерств, то эта задача однозначно будет

отвергнута как любая реформа сверху, которая не может быть принята просто потому, что изначально считается: то, что предлагают чиновники, министерство, всегда плохо. Это так по определению, и это известно всем, и никто никогда не сможет это опровергнуть. Я думаю, что это не только российская черта. Поэтому, пользуясь тем, что я выступаю перед этой аудиторией, я могу сказать: по моему мнению, крайне важно, чтобы такие идеи предлагались, продвигались не от имени Министерства, а от имени образовательного научного сообщества, от имени работодателей, от имени тех людей, которые в максимальной степени заинтересованы в том, чтобы такие программы успешно функционировали. Надеюсь, участники заседания согласны с этим

С. Гуриев:

Спасибо большое, Андрей Александрович. Я предлагаю задать один или два вопроса предыдущим выступающим или Андрею Александровичу. Пока несут микрофон, я хотел бы сказать: мы, к сожалению, очень хорошо знакомы с проблемой, связанной с возвращением людей в Россию. Наш вуз нанимает профессоров только на международном рынке. Одна из сложностей заключается в том, что западные степени не признаются в России, их нужно сертифицировать, то есть их нужно переводить, грубо говоря. Гарвардский диплом, всю диссертацию нужно переводить на русский язык, и так далее, и так далее. Год назад мы обсуждали эту проблему, с тех пор наблюдается огромный прогресс. На самом деле, я думаю, что уже в следующем году (законопроект по этому поводу же подготовлен, президент Медведев сказал об этом в своей речи в Давосе) мы будем в одностороннем порядке признавать дипломы других стран, лучших вузов мира. Да, пожалуйста.

А. Долинский:

Спасибо большое. Андрей Александрович, меня зовут Алексей Долинский, я помощник декана факультета госуправления МГУ. Я учился за рубежом, вернулся в Россию, работаю здесь и являюсь одним из сторонников

программы, отправляющей россиян учиться за рубеж. Мне кажется, Вы очень правильно все говорите о мерах по реинтеграции вернувшихся, потому что очень важно, чтобы были конкурентоспособные рабочие места. Вопрос очень короткий. Андрей Александрович, я правильно понимаю, что все эти сложности, которые Вы назвали, не препятствуют тому, что Министерство будет продвигать программу, и мы будем начинать отправлять людей учиться за рубеж буквально скоро?

А. Фурсенко:

Нет, не будет. Сейчас эта программа находится уже практически в высокой степени готовности. Одновременно с этим, как уже сказал Сергей, законопроект о признании в одностороннем порядке дипломов тоже практически подготовлен. Если я не ошибаюсь, он сейчас обсуждается в правительстве. Но я повторяю: когда она будет сделана, если мы одновременно с этим не решим следующие проблемы, если она не будет поддержана обществом, — то эта программа закончится, коллеги. Она поработает год, два, три и закончится. Она не будет иметь успех и под тем или иным предлогом или без какого-либо предлога она прекратится.

С. Гуриев:

Спасибо большое. Я думаю, что вопрос о поддержке этой программы со стороны общества крайне важен. И мы обсуждали эти идеи на молодежном форуме. Я предлагаю подумать о том, чтобы создать общественную ассоциацию поддержки такой программы. Дело в том, что (Вы правильно говорите) пока вузовское сообщество не изменится, эти рабочие места не появятся. Но чтобы менять вузовское сообщество, его представители должны быть здесь. Потому что я, например, как ректор вуза хорошо знаю: мы привозим преподавателей из-за границы, они по-другому понимают те же самые слова, чем те преподаватели, которые учились в России. Мы обучаем преподавателей в регионах, и, конечно, они не могут понять то, что действительно одна и та же учебная программа должна преподаваться по-другому, они никогда такого не видели. Поэтому, действительно, для того,

чтоб изменить российское вузовское сообщество, нужно привозить людей. Еще один вопрос, Евгений Юрьев, пожалуйста. Советник Президента.

Е. Юрьев:

Андрей Александрович, я хотел спросить: что Вы думаете о перспективах обучения государственных служащих? В том числе, а может быть, и в первую очередь, верхнего эшелона.

А. Фурсенко:

Я могу сказать, что последний раз, когда я учился, а было это 11 лет назад, я прошел курс Европейской ассоциации венчурного инвестирования, но я еще не был тогда чиновником. Для меня это было крайне полезно. Начав заниматься венчурным бизнесом тогда еще, я, пройдя этот курс, на самом деле понял очень многие вещи, которые до этого не знал. Курсы оказались очень полезными, но есть две проблемы. Первая состоит в следующем. Отправить на обучение чиновника, который действительно эффективен, крайне сложно, потому что вместо него работать некому. А отправить тех, кто не очень эффективен, — это даже еще более опасно, потому что мы таким образом просто создаем возможность того, чтобы этот чиновник, не будучи, скажем, сверхэффективным, начинал двигаться выше, выше, выше за счет тех лейблов и статусных дипломов, которые он получает. Тем не менее, тратить на это время надо, и вы знаете, что в АНХ курсы, которые проводятся для чиновников, сопровождаются все-таки кратковременными стажировками. Вопрос о том, можно ли сделать их более длительными. Я знаю историю в Казахстане, у меня есть несколько друзей, которые проходили стажировку. Их отправляли учиться после того, как они занимали достаточно важные посты. Как правило, их отзывали назад до того, как они заканчивали свои стажировки. Но даже это было эффективно, потому что даже такое короткое, длительностью несколько месяцев, погружение меняло в значительной степени их подходы и их самих. Коллеги, я прошу прощения, я действительно должен бежать.

А. Гильмутдинов:

Небольшой комментарий, Андрей Александрович. Очень коротко. Я хотел сказать, что в Республике Татарстан есть специальная программа обучения для высших руководящих работников. Все министры Республики Татарстан прошли обучение в школе Ли Куан Ю в Сингапуре в течение нескольких недель, и сейчас мы все, руководящие работники Республики Татарстан, обучаемся в АНХ. Поэтому такой опыт есть, и со своей стороны могу сказать, что он действительно реально работает, если все по уму сделать.

С. Гуриев:

Спасибо большое. На самом деле, есть и другой ответ на этот вопрос, и мы слышали от наших китайских и казахстанских коллег, что нужно посылать людей учиться, а по возвращении предлагать им места в аппарате госуправления. То есть такой ответ тоже существует. У нас действительно кончается время, и, тем не менее, я хотел бы коротко все-таки предоставить слово людям, которые учились и преподавали за рубежом. Константин Северинов сейчас работает и там, и там. Константин, пожалуйста. Константин руководит лабораторией и в Москве, и в университете Ратгерса.

К. Северинов:

Андрей Александрович, что называется, stole in my shell. Во-первых, я в своей американской ипостаси являюсь, в частности, реципиентом казахских ребят, которые у нас работают по программам, организуемым Республикой Казахстан. Хорошая новость заключается вот в чем. Несмотря на то, что эти ребята заканчивали, например, университет Астаны или Алматы, они оказываются достаточно подготовленными, и действительно за два года магистерской программы их можно довести до того уровня, когда они отнюдь не хуже среднестатистического американского студента того же уровня.

Еще одна хорошая вещь, что действительно «закладывание юрты» работает, и все они возвращаются. Чуть-чуть напрягает то, что я слышу от этих ребят. Я представляю life sciences: это не вся наука, но это важная

наука, и непреложный факт, что мы все стареем и все, в конце концов, умрем. И все хотим оттянуть этот конец куда-то подальше, и вот life sciences — как раз про это. Так вот, большинство ребят, которые возвратились, пройдя через обучение у нас, испытывают проблемы реинтеграции. Это, собственно, связано с тем, про что уже говорилось. Просто если здесь науки мало или ее нет, то им будет сложно интегрироваться в существующую структуру. Все, конец истории.

Теперь, перейду к российской реальности. На протяжении 15 лет я руковожу лабораторией в Америке. За это время через меня прошло не менее 30, а может быть, ближе к 40 молодых российских ученых, и, в общем-то, это была фактически программа зарубежных стажировок, в том смысле, что они проводились не на государственные деньги России, а на деньги американских налогоплательщиков, то есть за счет грантов национальных институтов здоровья. Приезжали ко мне, работали, оставаясь в аспирантуре в России, а потом приезжали и защищались. Так вот, из этих людей вернулся в Россию только один: это я. А все остальные продали свои квартиры, если таковые у них были, и остались в Америке, полностью реинтегрированы, стали профессорами, работают в компаниях, и так далее. Возникает вопрос: почему так происходит?

В моем случае возвращение связано с тем, что я просто имею гарантированную высокую зарплату на Западе и в этом смысле мало чем рискую. Ну и, кроме того, как и я, так и многие мегагрантовские получатели, оказались знаковыми фигурами, и в этом смысле они здесь могут что-то сделать, поскольку если вдруг что-то не так, мегагрантчики могут обратиться наверх. Так, недавно они ходили к Дмитрию Анатольевичу и объясняли ему, как все, в сущности, плохо. Но про то, что все плохо, на самом деле, ребята знают, и поэтому возвращаться никто, собственно, и не хочет. И на этом, в общем-то, я готов закончить, потому что пока не будет, куда возвращаться, — возвращаться люди не будут. И, наверное, есть какие-то достаточно простые механизмы, которые могли бы как-то улучшить эту ситуацию (опять же, я говорю про базовую, фундаментальную науку). Один из таких простых механизмов — это то, что используется в Америке

очень широко, это называется Pathway to Independence Award: это когда в дополнение к тем гарантиям, которые государство дает человеку, когда он обучается за рубежом, предусматривается некий период, 2–3 года, с дополнительным финансированием этого человека, когда он уже вернулся обратно. Есть палка и морковка (то есть заложить квартиру — это, скорее, палка, а вот морковкой может быть как раз гарантия преподавательской позиции в каком-то вузе, даже гарантия не преподавательской позиции, а, скорее, финансирования, с которым человек может выбрать вуз, в который он пойдет).

В общем, те люди, которые прошли через западную систему обучения, научились очень важной вещи: это свобода. Они научились ее ценить, и поэтому заставить их обязательно где-то эти три года отработать очень сложно. Спасибо.

С. Гуриев:

Спасибо большое. В России есть давняя традиция сажать людей, которые знают, что такое свобода.

Я хотел бы дать слово для очень короткого замечания Константину Шевченко, который учился за рубежом и работает сейчас в частном секторе.

К. Шевченко:

Я вернулся где-то в 2002 году, закончив бизнес-образование в Америке. Основное, что я хотел сказать, это две вещи. Первое, что, наверное, 90% людей, которых я знал (а я работаю в финансовом секторе), — ну, может быть, человек 200, — они, в основном, вернулись. 90% людей, которые работают в научном секторе, в основном не вернулись. Действительно, в научном секторе нет среды, куда можно возвращаться. Но что я хотел бы сказать (к сожалению, Министра образования здесь нет) — это то, что необходима политическая воля. Если размывать ответственность Министерства перед обществом, то можно ни один вопрос не решить. Второе — нужно с чего-то начинать: нужно начинать, конечно же, с исполнительной власти. Хорошо бы начинать и с законодательной, но, в

общем-то, лучше начинать с исполнительной власти. Нужно обучать людей и возвращать их работать в исполнительную власть, в администрации губернаторов, в министерства, ведомства. У нас куча агентств, где достаточно низкий уровень у сотрудников. Вот и все. Нужна политическая воля, нужно что-то делать.

С. Гуриев:

Ну, мы увидели политическую волю в Татарстане. Николай Мурашкин, аспирант Кембриджского университета.

Н. Мурашкин:

Спасибо большое за предоставленное слово. Очень многое было сказано, и очень правильно, то есть я полностью согласился бы с обоими Константинами и с Андреем Александровичем Фурсенко.

То, о чем думают аспиранты за рубежом, это не только вопрос денег. Это вопрос еще и среды. Я просто хотел привести такой исторический пример. Университет имеет очень долгую историю приема студентов из России. Первый студент туда приехал при царе Борисе Годунове. Он не вернулся. Слава богу, что есть такая программа, или собирается учреждаться такая программа, при инициативе президента Медведева, и то, что было сегодня сказано, показывает, что времена у нас явно изменились, поэтому надежда на возвращение есть. Но, действительно, то, что было сказано в отношении очень широкого финансирования... на мой взгляд, это должны быть не только гранты на магистратуру и аспирантуру, но и краткосрочные стажировки, и по возвращении должно быть содействие по реинтеграции в вузах. Не только финансовое содействие, но и в том, что касается встречи, приема, который не всегда бывает радушным. Но у меня настроения оптимистические.

С. Гуриев:

Спасибо большое, Николай. У нас на столе лежат карточки — зеленые и красные. Я предлагаю проголосовать. Если вы считаете, что такая

программа нужна, поднимите зеленую карточку. Если вы считаете, что проблем так много, и потому эту программу реализовать будет невозможно, и она не нужна, — поднимите красную карточку. Кончились зеленые карточки. Ну, кто-то же должен красной карточкой проголосовать? Они ушли, они сюда не пришли. Есть красная карточка? Отлично, отлично. Как вы говорите, демократия и свобода? Отлично, спасибо большое. Мы посчитали. На самом деле, я не совсем согласен с тем, что нужно, или что нельзя размывать ответственность общества. Мне кажется, без общественной поддержки исполнительной власти работать очень трудно. У нас абсолютно кончилось время, но, в принципе, мы готовы продолжать дискуссию. Поэтому если вы хотите сделать комментарий, задать вопросы, мы все запишем и передадим высшим чиновникам. Здесь остались некоторые чиновники из Министерства экономики, некоторые из чиновников Московской мэрии, некоторые из чиновников Казахстана, которые учились за границей, поэтому — пожалуйста. Есть желающие выступить? Да, пожалуйста.

А. Фокин:

Артем Фокин, Стэнфордская бизнес-школа. В рассказе представителей Республики Казахстан мы увидели, что государственные служащие вовлечены в процесс отбора как минимум на трех стадиях. Первая — это собеседование, вторая — это тест на знание казахского языка, третья — это тест MBTI. Я не знаю, как работают в Казахстане, но когда я вижу вовлеченность государственных служащих в процесс отбора, всегда возникает возможность спекуляции о потенциальной коррупциогенности данных правовых норм. Поэтому хотелось бы, чтобы российская программа была более упрощенной для поступающих. Если человек уже поступил в Кембридж, Стэнфорд или Гарвард, то, скорее всего, приемные комиссии этих университетов хорошо делают свою работу.

С. Гуриев:

...что он просто для того, чтобы не было консенсуса. Для свободы. Мне кажется, это очень важный принцип. Еще есть замечания? Выступления, вопросы? Да, пожалуйста.

С. Нурбек:

На самом деле, наш коллега из Стэнфордского университета не совсем правильно понял. Этот психотест абсолютно независим, и государственная служба на него никак не может влиять. Его проводят независимые эксперты и психологи из общей среды. Что касается теста на знание казахского языка, то у нас тоже есть специальный центр тестирования, где компьютерная программа сделана на базе TOEFL. И я, может быть, не совсем точно пояснил: эксперты профильные из профильных министерств — это где-то порядка 30%, а так это НПО, независимые эксперты, и так далее, и так далее.

С. Гуриев:

Да, спасибо большое. Мне кажется, не надо оправдываться. Действительно, во многих странах такие тесты есть, и вот я как исследователь знаю, что такие данные используются в исследованиях, Станислав тоже не даст соврать: тестирование проводится для того, чтобы понимать, как, например, результат этих тестов влияет на то, что с этим человеком будет дальше, станет он предпринимателем, чиновником или ученым. На самом деле, это очень интересная информация, и действительно, то, что этот тест проводит независимая организация, это тоже показатель той самой политической воли, о которой говорил Константин, сделать все правильно и честно.

Есть еще вопросы? Нет? Ну, я думаю, у нас настолько широкий консенсус, что даже обсуждать нечего. Все те люди, которые считают, что программа нужна, присутствуют здесь. Все люди, которые считают, что программа не нужна, здесь отсутствуют. Поэтому нам нужно сделать следующее. Нам нужно действительно помнить, что наша задача — завоевать умы и сердца многих людей за пределами этой аудитории, и поэтому нам предстоит большая работа для того, чтобы объяснить, зачем эта программа нужна,

почему эта программа на самом деле реализуема. И действительно, мы видим, что и наши соседи в Центральной Азии и наши соседи в Китае, и наши собственные сограждане в Татарстане делают очень хорошую работу, в этом нет ничего невозможного. Андрей Александрович сказал, что готов законопроект о признании дипломов, а год назад он не был уверен, что это нужно делать. У нас тогда был вот такой же круглый стол, и все ректоры рядовых вузов говорили ему, что это нужно делать, эта дискуссия была очень сложной. И вот, в конце концов, это произошло. Вполне возможно, что через год мы соберемся на этом Форуме, и у нас уже будут сидеть люди, которые поступили на программу. Спасибо большое.